

Список литературы

1. Бувина В. В. Оценка эффективности деятельности научно-образовательного потенциала регион / В. В. Бувина, И. Г. Ершова // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – № 12 (ч. 14). – С. 1682–1685.
2. Корнилова И. М. Международное научное сотрудничество Калмыцкого государственного университета на современном этапе / И. М. Корнилова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 1 (30). – С. 100–104.
3. Рабаданов М. Х. Российское высшее образование в эпоху глобализации: состояние и перспективы / М. Х. Рабаданов, А. Г. Гусейнов, Р. А. Амиров // Региональные аспекты социальной политики. – Махачкала, 2017. – С. 5–19.
4. Сайгушева С. Н. Открытое образование в процессе глобализации как фактор «омассовления» элитного образования / С. Н. Сайгушева // Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых – 53-х Евсевьевских чтений. – Саранск, 2017. – С. 153–157.
5. Отчёт о самообследовании КалмГУ за 2018 г. – Режим доступа: <http://kalmsu.ru/files/2019/May/006/1.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Buvina, V. V., Ershova, I. G. Ocenka jeffektivnosti dejatel'nosti nauchno-obrazovatel'nogo potenciala region // Konkurentosposobnost' v global'nom mire: jekonomika, nauka, tehnologii, 2017, № 12 (ch. 14), pp. 1682–1685.
2. Kornilova I. M. Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo Kalmyckogo gosudarstvennogo universiteta na sovremennom jetape // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura, 2012, № 1 (30), pp. 100–104.
3. Rabadanov, M. H., Gusejnov, A. G., Amirov, R. A. Rossijskoe vysshee obrazovanie v jepohu globalizacii: sostojanie i perspektivy // Regional'nye aspekty social'noj politiki. Mahachkala, 2017, pp. 5–19.
4. Sajgusheva S. N. Otkrytoe obrazovanie v processe globalizacii kak faktor «omassovlenija» jelitnogo obrazovanija // Sbornik nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii s jelementami nauchnoj shkoly dlja molodyh uchenyh – 53-h Evsev'evskih chtenij. Saransk, 2017, pp. 153–157.
5. Otchet o samoobsledovanii KalmGU za 2018 g. Available at: <http://kalmsu.ru/files/2019/May/006/1.pdf>.

РОЛЬ ИНКОРПОРАЦИИ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ

Перро Женевьев, аспирант, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, 677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, e-mail: genevieve_perreault@sil.org.

В статье рассматривается роль инкорпорации на примере чукотского языка. Чукотский язык является одним из самых ярких инкорпорирующих языков. Исследование проводится на материале народных сказок. Чаще всего инкорпорируется прямой объект, и агенс занимает позицию субъекта производного непереходного глагола. Если исходный глагол трёхвалентный, то при инкорпорации косвенный объект переходит в позицию пациенса. Наиболее интересно противопоставить варианты предложений для того, чтобы выявить условия выбора между каноническим переходным предложением и предложением с инкорпорацией. Инкорпорация используется автором высказывания по прагматическим и семантическим причинам и таким образом может выполнять дискурсивные функции. Любой инкорпорированный элемент изначально является второстепенным и неопределённым. Из этого следует, что

при инкорпорации делается акцент на самом действии в предложении, а не на инкорпорированном элементе. При инкорпорации выражается неопределённость семантического объекта. Выбор между переходным предложением и предложением с инкорпорацией обусловлен семантико-грамматическими факторами (т.е. определённость и неопределённость семантического объекта) и прагматическим замыслом автора (т.е. акцентирование или отсутствие акцентирования действия или актанта в определённом контексте).

Ключевые слова: чукотский язык, инкорпорация, пациенс, переходное предложение, исходный глагол, (не)определённость, акцентирование

THE ROLE OF INCORPORATION IN THE CHUKCHI LANGUAGE

Perreault Geneviève, postgraduate student, North-Eastern Federal University of Yakutsk named after M.K. Ammosov, 677007, Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, 42 Kulakovsky st., e-mail: genevieve_perreault@sil.org.

This article looks at the role of incorporation in the Chukchi language. The Chukchi language is among the most highly incorporating languages. The material used for the present research consisted of folk tales in said language. It is most common for the direct object to be incorporated and for the agent to become the subject of the derived intransitive verb. When the underlying verb is a three-place verb, as a result of incorporation the indirect object takes on the role of patient. It is particularly interesting to compare different constructions in order to find out how the choice between a canonical transitive proposition and a proposition with incorporation is conditioned. The use of incorporation by the author of a given discourse is motivated by pragmatic and semantic reasons – in that sense, incorporation can have certain discourse functions. Every incorporated element is by default unmarked and indefinite. Consequently, in the presence of incorporation the emphasis at the proposition level is on the action itself, and not on the incorporated element. Also, the semantic object is understood to be indefinite when it is incorporated. The choice between default transitive proposition and proposition with incorporation depends on semantic and grammatical factors, i.e. definiteness and indefiniteness of the semantic object, as well as on the pragmatic intent of the author, i.e. the focus or absence of focus on the action or on the actant in a given context.

Keywords: Chukchi language, incorporation, patient, transitive proposition, underlying verb, (in)definiteness, focus

В лингвистике инкорпорацию можно определить как «явление, при котором к такому члену предложения, как глагол, присоединяется, например, прямой объект (инкорпорация прямого объекта), обстоятельство или другие члены предложения, сохраняя при этом свою синтаксическую функцию» [10, с. 15]. Чукотский язык является инкорпорирующим языком высшего уровня. Инкорпорироваться могут различные элементы: наречия, прилагательные, другие глаголы или именные группы, являющиеся субъектом (агенса), прямым объектом (пациенса) или косвенным объектом (инструментальным или локативным неядерным актантами). Чаще всего встречается инкорпорация прямого объекта [4, с. 28; 6, с. 244; 4, с. 5].

Поскольку разные элементы могут инкорпорироваться в глагол, часто встречаются предложения с «нулевыми» актантами (с эллипсисами). Эта специфика чукотского языка также объясняется тем, что в самом глаголе во многих временах и наклонениях уже находятся показатели лица и числа субъекта и прямого объекта, что позволяет не упоминать знакомые, немаркированные референты в предложении. Когда в предложении выражен один актант, т.е. данный актант не инкорпорирован в глаголе, то согласно дефолтному порядку слов (SOV – субъект-объект-глагол) в чукотском языке он

находится перед глаголом. Более конкретно: субъект непереходного глагола, субъект при нулевом прямом объекте или даже прямой объект при нулевом субъекте ставятся перед глаголом.

В результате инкорпорации получается производный непереходный глагол. Чаще всего инкорпорируется прямой объект, и агенс переходит в позицию субъекта производного непереходного глагола. В качестве простого примера можно предложить следующий:

1. Колё аны ны-лги-кэльэ-тку-льэт-қин чама лыгэн
Вот уж наст: Зед-усил-дух-мн-обращающийся-наст: Зед и сильно
 ны-лгэ-ярар-пэглярьо-қэн!
 наст: Зед-усил-бубен-бить-наст: Зед
Вот уж к духам он обращался и в бубен бил сильно!

[2, с. 182]

В примере (1) семантический объект *кэльэ* («дух») инкорпорирован в глагол действия, образованном с суффиксом причастия *-льэт*, и семантический объект *ярар* («бубен») инкорпорирован в глагол *пэглярьок* («бить, играть»).

При исходном трёхвалентном глаголе, когда исходный прямой объект инкорпорируется, косвенный объект может перейти в позицию пациенса, например:

2. Вынэ рай, рэмкыльын қ-иръы-твы-гыткы!
Давайте вон пришелец-Ø повел: 2мн-одежда-снимать-повел: 2мн
 – *Вон давайте, одежду снять помогите пришельцу!*

[2, с. 20]

В примере (2) исходный прямой объект *иръын* («одежда») инкорпорирован в глагол, образованный с суффиксом со значением «снять» *-твы-*. Косвенный объект *рэмкыльын* («пришелец»), т.е. у кого снимать одежду, занимает позицию пациенса, что видно по нулевому окончанию в абсолютном падеже для пациенса.

Инкорпорация может выполнять дискурсивные функции. Особенно интересно рассматривать эти функции при помощи противопоставления вариантов предложений с инкорпорацией и без. В данный момент существует немного исследований по различным дискурсивным эффектам в использовании либо дефолтного переходного предложения, либо других видов предложения, таких, как пассивное (страдательное) или антипассивное (в случае эргативных языков, как чукотский язык) или предложения с инкорпорацией [3, с. 82]. В некоторых работах конкретно сопоставляется использование двухвалентного глагола, антипассивного предложения и инкорпорации в различных эргативных языках, таких, как инуктитут (см. напр. [8; 9]). Между тем среди лингвистов существует общее мнение о том, что чередование упомянутых видов предложений зависит от семантических и прагматических (т.е. дискурсивных) факторов [7, с. 39].

Итак, цель данной статьи состоит в выявлении условий выбора между каноническим переходным предложением и предложением с инкорпорацией в чукотском языке. Исследование проводится на материале народных сказок на чукотском языке с использованием методов корпусного и дискурсивного анализа.

Роль инкорпорации. Некоторые лингвисты пришли к выводу, что дефолтное переходное предложение в чукотском языке употребляется для того, чтобы представлять главных персонажей в рассказах в позиции пациенса (P), в то время как инкорпорация прямого объекта употребляется для представления персонажей второго плана, которые больше не появляются в рассказе [8, с. 262–266]. Также была выдвинута гипотеза о том, что инкорпорация связана с индивидуацией, или, точнее, с её отсутствием. Статус индивидуации

играет важную роль в дискурсе: «[индивидуация] измеряется в плане определенности, специфичности, пациентивности, множественности и значимости в дискурсе» [11, с. 4]. В чукотском языке, чем более определен актант, тем вероятнее, что соответствующий персонаж будет дальше появляться в дискурсе в качестве главного персонажа. В случае инкорпорации, наоборот, маловероятно, что семантический пациент (т.е. инкорпорированный прямой объект) появится дальше как важный элемент рассказа. С помощью инкорпорации автор ставит этот актант в категорию незначимого в дискурсе элемента, и он перестаёт быть актантом, настолько он является неопределённым. Немало лингвистов говорили о связи между инкорпорацией и отсутствием индивидуации в чукотском и других языках [12, с. 55; 3, с. 259]. Кроме того, акцент в предложении обычно ставится на пациент в дефолтном переходном предложении и на агент в антипассивном, а в случае инкорпорации он делается на предикате, так как инкорпорированный элемент, конечно же, никак не может передать маркированности.

Итак, можно теперь проверить эти теории на примерах, взятых из чукотских народных сказок:

3. А'м вынэ мын-ꞥэпл-ювичвэт! Гым ꞥырым м-увичвэт-ык!
 А ну повел:1мн-мяч-играть Я не буд:1ед-играть-инф
 – А ну, в мяч поиграем!
 Отвечает им: – Не буду играть!

[2, с. 86]

Из контекста примера (3) понятно, что мяч как предмет имеет неопределённый характер: персонажи только что встретились, и до этого не было никакого разговора о мяче. Главной информацией в предложении является то, что они хотят делать, а не конкретно в какой мяч они хотят играть. Слово *ꞥэпыл* («мяч») инкорпорировано, потому что неопределено. Можно сравнить этот пример со следующим:

4. Аны нэ-нинты-гэ-н ꞥэпыл катам ыныкагы!
 И прощ:3мн-кинуть-прощ: 3мн-Р:Зед мяч прямо в него
 И кинули мяч прямо в него!

[2, с. 20]

В отличие от инкорпорированного *-ꞥэпл-* («мяч») в примере (3) неинкорпорированный *ꞥэпыл* в примере (4) характеризуется определённой. Уже было понятно из контекста, что персонажи играли в мяч. Теперь читатель может себе представить конкретно тот мяч, который кинули в главного персонажа.

Предыдущая пара примеров была взята из разных текстов. Ещё более показательными являются те противопоставленные пары примеров, которые находятся в одном и том же тексте:

ꞥы-рꞥэри-лъэт-гытык!

повел: 2мн-нос лодки-прич.дейст-повел: 2мн
 На нос идите!

И дальше:

6. ꞥынвэр ытлыгын рꞥэрэ-гы ꞥыт-гы.
 Тогда отец нос лодки-напр идти-прощ: Зед
 Тогда отец на нос пошел.

[2, с. 37]

В примере (5) отец просит сыновей идти на нос лодки во время охоты на морских зверей. Главное – само действие. При этом повелении отца в воображении читателя появляется место, к которому сыновья двигаются. А дальше, в примере (6), обстоятельство места не инкорпорировано, так как,

когда отец сам идёт на нос, это уже конкретное, определённое место для читателя.

Ещё один пример, где ряд связанных предложений наглядно показывает разницу между инкорпорированным и неинкорпорированным вариантами.

7. *Ұынвэр қол итгэ́т җирэ́қ ынпыначгы-қаг-тэ ынкъам*
Тогда однажды два старик-уменьш-мн и
эзык копра-нтываты-сқэк-вэат
сын сеть-ставить-пойти-проц:Змн
Тогда два старичка и сын пошли сеть ставить.
8. На-нтыват-ын купрэн.
 проц:Змн-*ставить*-Р:Зед *сеть*
Они поставили сеть.
9. Нэмэ эргатык на-ёпат-ын купрэн.
Еще наавтра проц:Змн-*идти.проверять*-Р:Зед *сеть*
Наавтра опять пошли проверять сеть.
10. Э́нмэн мытлыңэн о'равэ́тлыат копра-ёпат-гыат –
Теперь пять человек сеть-идти проверять-проц:
Змн
җирэ́қ җэвысқэ́т-ти, җыро́қ қлявыл-тэ
две девушка-мн три мужчина-мн
Пять человек пошли теперь сеть проверять – две девушки, три мужчины.

[2, с. 17]

В примерах (7)–(10) употребляются глагол *рытыватык* («ставить») с инкорпорацией прямого объекта *купрэн* («сеть») и глагол *ёпатык* («идти проверять») с инкорпорацией такого же элемента и без неё. Событие, описанное в примере (7), находится в начале рассказа сразу после введения контекста о голодных годах. Люди идут ставить сеть, чтобы добыть себе пищу. Впервые говорится о действии, и акцент делается на целом предикате, поэтому используется инкорпорация. В примере (8) люди уже поставили определённую сеть. Потом в примере (9) таким же образом говорится о конкретной сети, которую на следующий день они пошли проверять. А в примере (10) вернёмся к акценту на самом действии, как в примере (7) – здесь важно то, что ещё другие люди пошли выполнять то же действие вместе со стариками и молодым человеком, а не какую сеть они пошли проверять. Насколько автор использует инкорпорацию, зависит от акцентированной информации.

Исследование инкорпорации в чукотском языке наряду с дефолтным переходным предложением позволило подтвердить вышеуказанные гипотезы о роли инкорпорации и прийти к следующим выводам:

1. При инкорпорации – будь инкорпорированный элемент субъект, объект или дополнение – акцент делается на действии. Когда представляется новый персонаж или новый элемент рассказа, он, скорее всего, не инкорпорирован, тем более, если в последующем он является главным в рассказе. Любой инкорпорированный элемент изначально является второстепенным и неопределённым. Когда тот же элемент находится вне глагола, он может иметь признак определённости.

2. Выбор между инкорпорацией и обычным переходным глаголом обуславливается дискурсивными целями автора или более конкретно тем, на чём автор делает акцент – на действии или на определённых актантах. Автор выделяет главную информацию, сообщает о том, на что читатель должен обратить внимание. Осуществляя свой выбор, он формирует у читателя понятие о конкретном, уже упомянутом элементе, или же о самой по себе определённой вещи, которая всегда является доступным, знакомым референтом.

3. Таким образом, выбор между переходным предложением и предложением с инкорпорацией обусловлен семантико-грамматическими факторами

(определённость / неопределённость) и прагматическим замыслом автора (акцентирование / неакцентирование, контекст).

Список литературы

1. Беликов Л. В. Чукотские сказки, мифы и предания / Л. В. Беликов. – Магадан : кн. изд-во, 1982. – 207 с.
2. Кымытваль А. & Лымһылтэ / Магадан: кн. изд-во, 1979. – 232 с.
3. Allen S. E. M. The acquisition of ergativity in Inuktitut, The acquisition of ergative structures. – Amsterdam: Benjamins, 2013. – P. 71-106.
4. Generative Phonology: Description and Theory / M. Kenstowicz, C. Kisseberth. – Urbana, Illinois: Academic Press, 1979.
5. Kulikov L. I. Case, Valency and Transitivity / L. I. Kulikov, A. L. Mal'chukov, P. Swart. – Amsterdam – Philadelphia : J. Benjamins Pub. Co., 2006.
6. Kurebito T. An outline of valency-reducing operations in chukchi / T. Kurebito // *Senri Ethnological Studies*. – 2012. – № 77. – P. 177–189.
7. Mal'chukov A. L., Haspelmath M. & Comrie B. Ditransitive constructions: a typological overview // Malchukov A. L., Haspelmath M., & Comrie B. (eds.), *Studies in Ditransitive Constructions: A Comparative Handbook*. – Berlin : De Gruyter, 2010. – P. 1–64.
8. Polinsky M. Contrasting the absolutive in chukchee / M. Polinsky, V. Nedjalkov // *Lingua*. – 1987. – № 71. – P. 239–269.
9. Queixalós F. L'ergativité est-elle un oiseau bleu? / F. Queixalós. – Munich : Lincom, LSLT 2013.
10. Spencer A. *Morphological Theory* / A. Spencer. – Oxford : Cambridge, 1991.
11. Spreng B. *Viewpoint Aspect in Inuktitut: The Syntax and Semantics of Antipassives* / B. Spreng. – Toronto : University of Toronto, 2012.
12. Weinstein C. (2002). *Grammaire Tchouktche* / C. Weinstein. – Режим доступа: <http://charles.weinstein.free.fr/index.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ.

References

1. Belikov L. V. (1982) *Chukotskiye skazki, mify i predaniya*. Magadan, 207 p.
2. Kymytval' A. & Belikov L. V. (1979) *Lymnylte*. Magadan, 232 p.
3. Allen S. E. M. (2013). *The acquisition of ergativity in Inuktitut, The acquisition of ergative structures*, Amsterdam: Benjamins, pp. 71–106.
4. Kenstowicz M. & Kisseberth C. (1979). *Generative Phonology: Description and Theory*. Urbana, Illinois: Academic Press.
5. Kulikov L. I., Mal'chukov A. L. & Swart P. (2006). *Case, Valency and Transitivity*. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co.
6. Kurebito T. (2012). *An outline of valency-reducing operations in chukchi*. *Senri Ethnological Studies*, 77, pp. 177–189.
7. Mal'chukov A. L., Haspelmath M. & Comrie B. (2010). *Ditransitive constructions: a typological overview*. In Malchukov A. L., Haspelmath M., & Comrie B. (eds.), *Studies in Ditransitive Constructions: A Comparative Handbook*. Berlin: De Gruyter. pp. 1–64.
8. Polinsky M. & Nedjalkov V. (1987). *Contrasting the absolutive in chukchee* // *Lingua*, 71, pp. 239–269.
9. Queixalós F. (2013). *L'ergativité est-elle un oiseau bleu?* Munich: Lincom, LSLT.
10. Spencer A. (1991). *Morphological Theory*. Oxford; Cambridge.
11. Spreng B. (2012). *Viewpoint Aspect in Inuktitut: The Syntax and Semantics of Antipassives*. Toronto: University of Toronto.
12. Weinstein C. (2002). *Grammaire Tchouktche*. Available at: <http://charles.weinstein.free.fr/index.htm>.